

В.Е. Красовский

Гротеск

Гротеск (франц. grotesque — причудливый, затейливый, смешной, комический; от итал. grotta — грот, буквально: «гrotовый») — древнейший художественный прием, основанный, как и гиперболы, на преувеличении, заострении качеств и свойств людей, предметов, явлений природы и фактов общественной жизни. Однако преувеличение в гротеске имеет особый характер: это фантастическое преувеличение, в котором изображаемое полностью выведено не только за пределы «жизнеподобного», но и вероятного, допустимого с точки зрения правдоподобия. Фантастическая деформация реальности — непереносимое условие возникновения гротескного образа.

Гротеск, наряду с гиперболой, широко использовался в мифах, легендах и сказках (яркий пример сказочного гротескного образа — Кощей Бессмертный). Сам термин «гротеск» возник в XV веке для обозначения необычного типа художественной образности: во время раскопок в одном из древнеримских гротов был обнаружен необычный орнамент, в котором фантастически переплелись различные растительные, животные и человеческие формы.

Создавая гиперболические образы, писатели используют преувеличение как художественную условность, которая может быть обоснована «реалистически» (например, гиперболы в хлестаковском «описании» жизни Петербурга — результат неудержимой страсти героя к вранью; гиперболы в произведениях Лермонтова — один из приемов романтического изображения героев и событий). В основе гиперболы лежит исключительное, но возможное. Границы между фантастическим и реальным размыты, но не исчезают.

Основа гротеска — немыслимое, невозможное, но необходимое писателю для достижения определенного художественного эффекта. Гротеск — это фантастическая гиперболы. Гиперболы ближе к реальности, гротеск — к сну-мóроку, кошмарному сну, в котором фантастические видения, будоражащие воображение, не поддающиеся логическим объяснениям, могут стать для людей ужасающей «реальностью». Возникновение гротескной образности связано со сложнейшими механизмами человеческой психики, в которой взаимодействуют сознательное и бессознательное. Недаром впечатляющие гротескные образы в произведениях русских писателей нередко возникают именно в сновидениях героев.

Сон Татьяны Лариной (пятая глава романа «Евгений Онегин») наполнен гротескными образами чудовищ:

Один в рогах с собачьей мордой.
Другой с петушьей головой.
Здесь ведьма с козьей бородой.
Тут остов чопорный и гордый.
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

Татьяна с ужасом видит в «шалаше убогом» фантастическую пляску: «рак верхом на пауке», «череп на гусиной шее вертится в красном колпаке», «мельница вприсядку пляшет в крыльями трещит и машет».

В фантастическом сне Раскольникова создан гротескный образ хохочущей старухи:

«Бешенство одолело его: изо всей силы начал он бить старуху по голове, но с каждым ударом топора смех и шепот из спальни раздавались все сильнее и слышнее, а старушонка так вся и колыхалась от хохота».

Бредовые видения героя — психологический эквивалент истины: схватка Раскольникова со злом, воплощенным в «зловредной старушонке», оказалась нелепой борьбой Дон-

Кихота с ветряными мельницами. Зло лишь дико хохочет над Раскольниковым. Чем неистовее он хочет убить зло, тем больше сам прирастает к нему («Сердце его стеснилось, ноги не движутся, приросли...»).

Художественные образы, созданные на основе гротеска, кажутся абсолютно неправдоподобными, абсурдными с точки зрения здравого смысла. Их поразительный эмоционально-экспрессивный эффект усиливается, как правило, еще и тем, что гротескная образность взаимодействует с вполне обычными, не выходящими за границы «реалистического» правдоподобия образами, ситуациями, событиями. Например, «персонажами» кошмарного сна Татьяны наряду с чудищами оказываются легко узнаваемые Онегин и Ленский. В сновидении Раскольникова мотивировка гротескной ситуации и гротескного образа хохочущей старухи вполне «реальна»: это сон-воспоминание о совершенном убийстве. В самом убийце и топоре — орудии убийства — нет ничего фантастического.

Сочетание гротескной образности и вполне заурядных житейских и общественных ситуаций широко используется писателями-сатириками. Например, в обычной ситуации хождения по бюрократическим «мукам», изображенной в стихотворении Маяковского «Прозаседавшиеся», возникают гротескные образы бюрократов, «разорвавшихся на части»: вместо людей измученный герой видит на заседании «людей половины». Нелепость происходящего подчеркнута «спокойным голоском» секретаря, для которого это нормальная служебная ситуация.

Гротескные образы глуповских градоначальников, у одного из которых фаршированная голова, а у другого вместо мозгов «органчик», создал Салтыков-Щедрин в «Истории одного города». История Глупова наполнена и невероятными, гротескными ситуациями («войны за просвещение», война против жителей Стрелецкой слободы, отказавшихся употреблять горчицу, и т. п.). Все эти ситуации — доведенные до абсурда, но вполне обычные для России противоречия и конфликты между самодурной властью и народом.